

МЕТОДОЛОГИЯ ВОСПИТАНИЯ

Б. Бим-Бад
Ян Амос Коменский:
аксиомы панпедии
5 - 12

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ: АКСИОМЫ ПАНПЕДИИ

Б. БИМ-БАД

Ухватив в гениальном предвидении неизбежные тенденции и логику дальнейшего развития образования, Коменский нашёл для него новое название: панпедия (пампедия), что означает и формирование целостного, всесторонне развитого человека, и науку об обучении всех — богатых и бедных, мужчин и женщин, молодых и старых, цветущих и умирающих — всему, что необходимо для достойной жизни и достойной смерти; обучении всеми способами и на протяжении всей жизни непрерывно. Таким образом, Коменский заложил основы науки о перманентном образовании практически каждого человека в любом возрасте, любого социального положения, в любом уголке земного шара.

Предмет панпедии охватывает всю жизнь человека от зачатия до могилы. Это не педагогика в собственном смысле слова, поскольку педагогика имеет своим предметом формирование личности ребёнка и юноши; но и не андрагогика, т.е. воспитание взрослых. Проблемы целей, содержания и возрастной специфики становления и совершенствования личности решаются Коменским именно в рамках целостного предмета панпедии: в перспективе всей жизни человека.

Всё, созданное Коменским в области воспитательно-образовательной теории оправдано рассматривать как этапы разработки и вместе с тем компоненты единой оригинальной науки.

Пампедия не только составная часть великой социальной утопии Коменского, призванная обеспечить успех человеческих дел, — пампедия ещё и законченная философия воспитания, она и (в очень неточной современной терминологии) педагогическая антропология вкупе с педагогической психологией, наконец, пампедия — это ещё и теоретико-концептуальная схема воспитательного процесса, и обоснование норм, и оценочное описание практики, и постановка задач, далеко не решённых сегодня, остающихся вызовом будущему.

Решение этих задач приобрело статус аподиктического знания, всеобщего и необходимого, достоверного и доказательного, конституирующего законы и, в свою очередь, основывающегося на их непреложности.

Законосообразность учения Коменского, система найденных им закономерностей образовательно-воспитательного процесса глубоко концептуальны. Его пампедическая наука проистекает из его пансофического, строго системного мировоззрения, согласуясь в конечном счёте с разделяемой им космологической доктриной о назначении и судьбе творения, о единстве макро- и микромиров. Эта идейная система служит Коменскому источником тех отправных исходных положений, предпосылок (условно говоря, «аксиом», «постулатов»), которые лежат в фундаменте законов воспитания, служат основой их доказательства.

Коменский понимал пансофию как истинное знание о мире, о его законосообразности и упорядоченности.

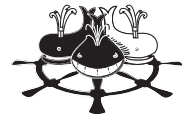
Пансофия Коменского — это наука, в которой разные виды человеческого

знания не просто внешне поименованы и бухгалтерски перечислены, но выведены из основополагающих принципов универсальным методом. Чтобы сделать пансофию достоянием всех и каждого, совершенно необходима вспомогательная наука — пампедия, которая исходит из тех же основоположений, что и само пансофическое знание, и изоморфна его структура.

С помощью инструментария современной Коменскому школы пансофию распространить было нельзя. Всемудрие предполагает знание сущности вещей, а школа учит словам. Мудрость недостижима без овладения научным методом познания, но школа губит умственные способности отупляющей зубрежкой. Пансофия предполагает высокую нравственность, чтобы ум не служил злу, а школа, отделяя знание от ума, одновременно разводила ум и интересы, потребности, интенции, стремления, направленность личности. Она не учила главному — любить добро и ненавидеть зло, наслаждаться познанием истины и служить ей.

Для торжества пансофии необходим был лёгкий, простой, надёжный метод обучения ей, метод, дающий стопроцентную гарантию успеха. Никакой пансофии не будет также, если учить не целостному, не внутренне упорядоченному и системно связанному знанию о мире в целом. Стало быть, надо открыть науку и искусство безотказно обучать всех и притом всему.

Абсолютная необходимость законов, открываемых наукой о формировании личности, проистекает у Коменского именно из требования гарантировать успех обучения в той же степени, в какой нотная запись обеспечивает исполнение музыкального произведения («Великая дидактика», XXXII 4). Дело воспитания должно быть поставлено на научную почву; а научные «ноты», воспроизведение

которых неизбежно должно привести к звучанию задуманной (т.е. целеположенной), продуманной (т.е. систематической) и прочувствованной (т.е. этически и эстетически значимой) гармонии (т.е. единства действия по истине, добру и красоте), — суть законы и истекающие из них правила, метод (см., например, «Законы хорошо организованной школы», VII I).

Поиск закономерностей начинается Коменским с ответа на вопрос, без чего невозможно воспитывающее обучение и что, стало быть, необходимо для него, и — одновременно — что такое обучение, в чём его природа, т.е. сущность. «Правильно обнаруженные общие понятия дадут нам общие и прочные законы разумного обучения...» («Новейший метод языков», X 5). Что касается эмпирически установленных закономерностей, то они включаются в систему законов при условии их обоснования теми же «общими понятиями». К ним же восходят в итоге и методы и правила.

Таким образом, в основе как теоретической, так и нормативной конструкций Коменского лежат одни и те же исходные посылки.

В качестве основополагающих постулатов панпедии, как и пансофии, выступают очень ёмкие категории «все», «всё» и «всеми способами».

Понятие «все» дедуцируется Коменским из посылки первоначального христианства о том, что все люди — дети Бога. В противном случае, утверждала идеология апостольского коммунизма, люди не получили бы в дар жизнь. Более того, эта одарённость человека жизнью уравнивает всех людей, поскольку жизнь принципиально одинакова.

«Всё» — это Бог, мир и человек в структурном и содержательном единстве. «Всё» — это самая главная и абсолютно одинаковая для всех людей

мудрость; высшее знание. Речь идёт об уравнивании всех людей высочайшей культурой. Утопически-коммунистический смысл этой идеи заключается, в частности, в том, что обладание всеми людьми высочайшей культурой предполагает и в качестве своей предпосылки и в качестве своего следствия уничтожение разделения труда: с уничтожением привилегий на высшие совершенства, несомые высшей культурой, одновременно устраняется и социальная привилегия: все не только знают всё, но и все делают всё.

«Всеми способами», т.е. и всесторонне, и всеми существующими и возможными методами, — это одновременно и универсальность метода пансофии и — дополнительное содержание панпедии. Всесторонне — значит полностью, во всех отношениях: развитие чувств, ума, речи, умений, способностей, навыков делать, работать, творить.

В этой категории утверждается целостная личность как идеал и цель воспитания. Речь идёт об органическом слиянии нравственности с интеллектом и волей. Одна из аксиом «Книги книг», заключительной части «Всеобщего совета», гласит: «Всё, чему мы учимся, должно быть (1) единым) будь это что-нибудь короткое или длящееся), (2) истинным (истинно наполняющим чувства), (3) добрым (радостным или полезным)» (цит. по кн.: Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 559).

Выдвинув указанные постулаты как основополагающие, Коменский стал тем самым одним из провозвестников и непосредственных предшественников идеологии Просвещения — теоретической подготовки буржуазных революций. Нельзя не увидеть в Коменском связующее звено между неоплатонизмом и пантеизмом Возрождения с его гуманистическим идеалом всесторонне

развитого человека — и борьбой за установление «царства разума», основанного на «естественном равенстве», грядущей эпохи Просвещения, уповавшей на распространение знания как на панацею от социальных зол («Пампедия», I 14).

Коменский предвосхитил свойственное буржуазным общественным отношениям разделение труда, приводящее к формированию на целостной, а частичной личности («Пампедия», IV 4). В развёрнутом виде эта идея станет достоянием XVIII века (А. Смит, Ф. Кенэ, А.Р. Тюрго и др.). В эпоху Коменского разделение труда с точки зрения уродующего влияния его на воспитание человека начал исследовать У. Петти, хорошо осведомлённый (непосредственно и через С. Хартлиба) о взглядах Коменского и во многом соглашавшийся с ним в своих работах, посвящённых проблемам трудового воспитания и подготовки молодёжи к трудовой жизни. Благодаря трудам Петти эти прогрессивные идеи Коменского стали позднее достоянием Дж. Беллера и Р. Оуэна.

Основополагающие аксиомы пампедии согласуются у Коменского с конкретизирующими их постулатами о природе личности и её развитии, а также о природе познания. Все законы воспитания восходят к этим постулатам.

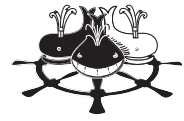
Решая проблему природы человека как такового, Коменский исходит из идеи прижизненного его формирования. Отсюда — самая возможность науки о воспитании и отсюда же педагогический оптимизм Коменского. Реалистический и действенный характер пампедии Коменского придаётся также и постулатами о деятельности как обязательном компоненте (наряду с учением) становления человека (см., например, «Великая дидактика», VI 1).

С этих позиций выдвигается Коменским одна из центральных акси-

ом в антропологическом обоснования воспитания — аксиома обучаемости, воспитуемости (т.е. способность человека быть воспитуемым и обученным). Разрабатывая проблему воспитуемости, Коменский выдвигает идею компенсаторного обучения, способного восполнить, уравновесить недостатки прирождённой телесной организации данного индивида («Великая дидактика», XII 14; «Новейший метод языков», X 16; «Пампедия», II 30). Современная наука в лице его наиболее прогрессивных представителей даёт основание для подтверждения этого абсолютного педагогического оптимизма Коменского. Педагогический оптимизм Коменского блестяще подтвердился, в частности, достижениями дефектологии XX века, особенно обучением и воспитанием слепоглухонемых детей.

Причину же индивидуальных различий в умственных способностях Коменский был склонен усматривать в разной степени тренированности, «упражнения» (см. «Великая дидактика», VI 10). В этой посылке заключён не только бесспорный демократизм чешского педагога, но и поразительная по смелости идея, опередившая своё время.

Даже наиболее передовой, наиболее смелой гуманистической науке — да и искусству — эпохи Возрождения и первой половины XVII века свойственно объяснение индивидуальных различий между людьми природным неравенством их умов) Хуан Уарте, Шекспир и др.). Идея природного равенства человеческих умственных способностей (см. также «Пампедия», III 6) была признана наиболее передовыми мыслителями только в XVIII веке — прежде всего французскими материалистами (сравнить с высказыванием К. Маркса и Ф. Энгельса по поводу французского материализма XVIII века: «Не требуется большой остроты ума, чтобы

усмотреть необходимую связь между учением материализма о природной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека... — и коммунизмом и социализмом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 145).

Отсюда необходимость обучения как упражнения, разработки способностей, как средства уравнивания людей.

Для последующих судеб педагогики весьма плодотворной оказалась также сформулированная Коменским посылка о развитии учащегося как стадийного роста, как движения, изменения его (ученик — «подвижная вещь») от меньшего к большему, от худшего к лучшему и т.д. Эта идея преломилась впоследствии и в различных теориях поэтапного формирования личности (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Дьюи, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский и др.), и в дидактических конструкциях (И.Г. Песталоцци, И.Г. Фихте, Ф. Фребель, М. Монтессори и др.).

Включая в посылку о критериях зрелости («Новейший метод языков», X 15) не только возраст, но и успехи в обучении, Коменский делает важное различие между хронологическим и умственным возрастом. Такая трактовка понятия зрелости Коменским ставит две чрезвычайно важные проблемы, решение которых было предметом вековых научных дискуссий. Первая проблема — это соотношение естественного созревания с развитием и вторая — проблема соотношения хронологического возраста с умственным.

По сути дела, Коменский предвосхитил открытия психологии и педагогики XX века: О. Декроли и М. Монтессори доказали, что в определённые периоды жизни человек особенно чувствителен к определённым педагогическим воздействиям. Если упустить эти перио-

ды повышенной чувствительности к внешним воздействиям, то происходит так называемое необратимое угасание возможностей эффективного развития способностей, и потенции творческого развития не реализуются. Коменский же не только обосновал необходимость раннего воспитания, но и привлекал внимание воспитателей к обнаружению и учёту особенно чувствительных к внешним воздействиям периодов в развитии человека («Великая дидактика», VII 5; XVI 7–10).

Аксиомы о природе личности восходят и к хилиастическим идеям Коменского, согласно которым тысячелетнее «царство Божие» будет установлено на Земле. Поэтому необходима подготовка к вечной жизни именно земной, и притом — к жизни в коммунистическом обществе. Эта утопическая и коммунистическая сущность хилиазма как плебейской ереси была вскрыта Ф. Энгельсом (см., например, Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 481). «Загробная жизнь» зависит от земной и в конце концов становится земной. Чтобы достойно прожить и достойно умереть, необходимы — как цели воспитания — и способность познавать мир, и способность к перманентному самосовершенствованию.

Важны в связи с вопросом о достойной жизни аксиомы осознанного поведения, согласия воли с разумом. Коменский ставит чрезвычайно важную проблему формирования у учащейся молодёжи правильных убеждений, связанных с вопросами «свободы воли» («Великая дидактика», XXX II), как предпосылки осознанного выбора учащимся правильной линии поведения во всех областях, сферах и проявлениях человеческой деятельности. Свободу воли Коменский трактует также в духе «апостольского коммунизма»: акцент делается им на моральном самосовершенствовании человека. Но Коменский

интегрировал в своё понимание свободы воли и новый подход к оценке личности и её места в мире, которым ознаменовалась эпоха Возрождения. Более того, великий мыслитель вплотную приблизился, хотя и не мог принять целиком, к Спинозистскому решению проблемы — свобода есть осознанная необходимость (сравнить: «Пампедия», IV 13). В «Книге книг» по этой проблеме значится: «...свобода — одной сущности с волей, ведь воля перестаёт быть волей, если воление недобровольно; воля есть способность разумной души обращаться к вещам, в которых наш разум увидел добро, и отвращаться от зла». (Цит. издание. С. 555).

Поэтому обучать всех всему возможно настолько, насколько удаётся «всё устроить так, чтобы каждое дело человек делал не по принуждению, но как бы самопроизвольно (по собственной воле и влечению)» («Пампедия», IV 13), т.е. по закону, который воля сама себе сознательно (разумно) выбирает. Эти положения в следующем за Коменским веке подробно разработал И. Кант и в своей этике и в своей педагогике.

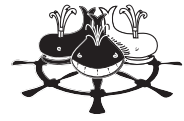
Аксиомы свободы воли, ответственности за свои поступки требуют формирования познавательной и нравственной самостоятельности, распространяемой на всё поведение человека. Коменский настаивает на освобождении от власти авторитетов, на принятии сформировавшейся личностью самостоятельных решений во всех важнейших вопросах жизни («Пампедия», III 20).

Основополагающий постулат о человеке как образе божьем восходит и к традициям общины «чешских братьев» — традиции сектантски-коммунистической трактовки Библии. Эта традиция, объявляя человека Богоподобным, избавляла его фактически от первородного греха.

Коменский открыто противопоставил учению католической церкви о первородном грехе, об имманентной греховности человека, идее, из которой следовала необходимость страдания человечества и искупления прирождённой ему вины. Коменский утверждает: Мир принадлежит человеку, первородный грех которого снят Христом, и от человека самого зависит возможность провести на Земле счастливую жизнь и исправить все человеческие дела. («Великая дидактика», V 17; XXXIV 23–28; «Пампедия», II 20; IV 10; «Пампедия», XXIV 2).

Провозглашая счастье целью человеческой жизни («Пампедия», I 7), Коменский предусматривает гармонию личности и общественного счастья. Обоснованию этой гармонии посвящено, в частности, сочинение Коменского «Всяк своего счастья кузнец», где утверждается, что счастье — не случайность, а необходимый результат разумной человеческой деятельности, имеющей конечной целью высшее благо. Поэтому счастье не должно быть только личным, но соотносываться с общим благом.

Коменский ставит проблему смысла жизни человека как пампедическую («Пампедия», III 16). При этом цельность личности рассматривается им как одна из предпосылок счастья: наряду с правильностью и красотой проживаемой жизни её «полнота», всесторонность входит у Коменского в понятие счастья. Это решение проблемы счастья имеет огромное воспитательное значение. Представление человека о смысле жизни и о содержании счастья, отношение к смерти и трактовка проблемы бессмертия составляют ядро мировоззрения, а поведение своё человек строит, как известно, в соответствии именно с представлениями о ценности жизни, в соответствии со своими идеалами силы, красоты, добра и правды. Поэтому для

науки о воспитании личности, её нравственности и характера нет более важных вопросов, чем о смысле бытия, о конечных результатах всех усилий людей по устройству их земных дел.

В своих постулатах о природе человека как предмета воспитания Коменский довольно близко подходил к пониманию социальной сущности специфически человеческой психики, апеллируя к ситуации типа «маугли», как бы мы сказали сейчас («Великая дидактика», VI 6; «Новейший метод языков», X 27). Тезис Коменского о том, что у предоставленного самому себе человека не развивается человеческая психика, что собственно человеческих наследственных форм поведения у детей нет, и в среде волков, например, человеческий ребёнок становится по своей психике и поведению волком, совершенно правилен. Эта аксиома фактически закладывает первые краеугольные камни будущего здания социальной педагогики.

Именно из этой исходной посылки проистекают как требование Коменского отбирать в человеческой культуре то лучшее её содержание, которое способно облагораживать и совершенствовать человеческую природу («Новейший метод языков», X 18), так и идея «второго рождения», рождение собственно человека благодаря воспитанию, понимаемому как присвоение лучшего в общечеловеческой культуре («Пампедия», III 29). Человека делает человеком присвоение системы важнейших основных элементов исторически накопленной человеческой культуры («Пампедия», IV 22). Но не пассивное присвоение, а активное действие!

В содержании этих идей заключено зерно диалектической мысли, хотя и не достаточно ясно выраженной, об активности человека и о необходимых предпосылках этой активности («Великая

дидактика», VII 1). Коменский глубок и справедлив, выдвигая реалистическую аксиому о формировании активности, о внешних по отношению к человеку источниках самой возможности активности. Это, по сути, материалистическая идея, на века опередившая своё время.

Если в «Великой дидактике» Коменский ещё недостаточно акцентирует посылку об активной природе человеческого сознания, то эксплицитное формулирование этой тезы в последующих его работах («Аналитическая дидактика», «О культуре природных дарований», «Выход из схоластических лабиринтов», «Пампедия») ставит Коменского наряду с Декартом и Спинозой в первый ряд революционеров философии XVII столетия. Коменский в большой мере преодолевает ограниченность сенсуалистского эмпиризма, включая в свои гносеологические постулаты элементы рационализма (см., например, «Пампедия», VI 18 (8); IV 12).

Знание для Коменского есть воссоздание подобия и образа вещей (подразумевается адекватное их воссоздание), т.е. фактически — движение мысли и руки по контуру объективно сущих предметов. Такое понимание природы познания даёт материалистический критерий отличия истинного знания от ложного (от «мнения», заблуждения) и подчёркивает активность специфически человеческого постижения мира. Отступление Коменского от материалистического решения этой кардинальной проблемы в сторону сенсуализма (чувственное восприятие как «отпечаток» образа мира в сознании) не может перечеркнуть правильности этого решения в самом главном пункте: воспринять, понять, познать — значит активно воспроизвести принцип и суть построения, структуры, устройства вещи, т.е. воссоздать её и тем самым получить адекватный образ мира. Развивая ма-

териалистическую трактовку природы познания, Коменский с гениальной убедительностью демонстрирует «орудийно»-активное действие как предпосылку и сущность познавательного акта («Новейший метод языков», X 8).

Эта чрезвычайно важная, едва ли не центральная в педагогике Коменского, идея сближает его исходные посылки с самым прогрессивным в XVII веке учением Спинозы об активности как о сущности и основе специфически человеческого развития и познания. Чем больше ребёнок что-то делает, тем он становится сильнее не только физически, но и духовно, — это по сути материалистическое положение, в фундаменте которого лежит представление о человеческой психике как об активном отображении и воспроизведении «контуров мира», как о формирующейся в деятельности человека его двуединой способности приспособляться к объективному миру вещей и приспособлять их к себе. Коменский не следовал Спинозе, он одновременно с последним пришёл к основоположению, которому лишь двести лет спустя, в марксистской науке о человеке, суждено было стать прочным основанием материалистической науки о формировании личности, — человек становится мыслящим «телом» в той мере, в какой он сумеет активно строить свои собственные действия и осуществлять их в соответствии с объективной природой вещей, со схемами универсальной необходимости. Отсюда всеопределяющее значение формирования и стимуляции познавательной активности ребёнка для его развития как человека мыслящего («Пампедия», XI 7).

Коменский считает, что человеческое мышление в его развитых формах неотъемлемо от использования знаков того или иного рода («Новейший метод языков», X 52). Это положение сыграло большую роль в становлении и разви-

тии детской и педагогической психологии, а также педагогической теории. Применение знаков перестраивает всю психическую деятельность человека наподобие того, как применение орудий видоизменяет естественную деятельность органов и безмерно усиливает и расширяет возможности физической и психической активности. Развитие человека происходит в процессе овладения как орудиями, так и знаками путём обучения. Именно поэтому обучение занимает центральное место во всей системе организации жизни ребёнка, определяя его развитие.

Роль гносеологических постулатов становится очевидной, если вспомнить, что учебный процесс трактуется и исследуется Коменским как специфическая форма, вид познавательного процесса; причём закона обучения предстают модификацией законов познания и мышления как таковых. Отсюда — точные и обстоятельные формулировки законов воспитывающего обучения, ведущего человека от «просто знания» (низшая ступень постижения сущности мира) к познанию (к творческому, «новаторскому» применению знаний на практике) («Великая дидактика», XXI 14).

Процесс воспитывающего обучения целиком строится Коменским на фундаменте исходных положений, в системе которых мы рассмотрели лишь часть наиболее актуальных для современной педагогики аксиом. Большое подспорье для неё вновь и вновь обращаться к начертанным Коменским началам, интерпретируя их на новом уровне знаний, — не исчерпаны заложенные в исходных посылках пампедической науки возможности, как не исчерпаны прошедшими столетиями новизна и эвристическая значимость самой пампедической науки Коменского.

(с) Бим-Бад Борис Михайлович,
2005